

Услышав плач младенца в комнате, призрак начал карабкаться внутрь через окно, и бумага на оконной раме загорелась.

Го Саньфэн замер на 1,99 секунды, начертил перед собой талисман, затем стиснул зубы, перенесся за спину призрака и обхватил его руками.

«О предки, Го Саньфэн, даже будучи мертвым, готов пожертвовать собой ради спасения страны, так что не судите меня строго за раннюю кончину. Небесный Император, не знаю, находится ли под Вашим началом Цзян Тайгун, но если он увидит мой подвиг, не могли бы Вы даровать мне статус божества? Не слишком высокий, чтобы даосы с горы Маошань почитали меня как своего основателя».

Ах, как горячо, как больно. Го Саньфэн был лишь духовной сущностью и даже наложил на себя защитное заклинание, но чувствовал, будто тело упало в восьмиугольную печь Лао-цзы, а руки высасывают до костей.

Го Саньфэн вспомнил, что в центре этого квадратного двора был небольшой пруд, где днем он любовался лотосами. Обхватив злого духа, он устремился прямо к этому пруду.

Как только они оказались в воде, Го Саньфэн отпустил призрака. Черт возьми, он ведь не умел плавать, и не знал, что случится с духом засухи в воде. Побарахтавшись некоторое время, он вдруг почувствовал, как ноги коснулись дна. Встав, он с удивлением обнаружил, что весь пруд высох за несколько секунд.

«Господин уездный начальник, за кого Вы женились? Это точно не обычный призрак, это же воплощение богини засухи, переродившейся в младенца».

— Ха! — вдруг громко крикнул Чжисинь.

Его голос прозвучал как гром среди ясного неба, заставив Го Саньфэна и духа засухи содрогнуться.

Го Саньфэн обернулся. Даос Чжисинь стоял прямо, повернувшись в их сторону. В одной руке он держал меч, другой чертил талисман. Заклинания звучали как чистый звон, и вдруг поднялся ветер, облака разошлись, полная луна вновь засияла, озаряя его своим светом. Его даосская ряса развевалась на ветру, купаясь в лунном свете.

«Дружок, наконец-то ты решился действовать, а то я бы уже второй раз отправился к праотцам».

Чжисинь произнес заклинание, взмахнул мечом из персикового дерева, и огромная стопка желтой бумаги с начертанными киноварью талисманами полетела к злому духу, облепив его, как мумию.

— Отойди! — крикнул Чжисинь.

— Ага, — Го Саньфэн развернулся и вернулся к Чжисиню.

Чжисинь, двигаясь по определенным шагам, взмахивал мечом. Талисманы, обернутые вокруг злого духа, начали воспламеняться и взрываться один за другим, словно мины. Зрелище было настолько кровавым, что Го Саньфэн едва мог смотреть.

Когда он наконец решился взглянуть, то увидел, что некогда активный злой дух превратился в

кровавое месиво. Чжисинь подошел, взял кусочек пальцами, понюхал его и слегка пошевелил мечом.

— Что-то нашел? — с любопытством подлетел Го Саньфэн, помахивая рукой у носа, чтобы уловить запах, но ничего не почувствовал.

Чжисинь не ответил, лишь внимательно осмотрел его, затем подвел к столу:

— Оставайся здесь и не двигайся.

— Почему?

— Сейчас ты слишком слаб.

Сказав это, Чжисинь взял кусок грубой ткани, аккуратно завернул в нее останки и положил в медный таз для сожжения, одновременно читая заклинание для упокоения души.

Го Саньфэн стоял под лунным светом, словно принимая солнечные ванны, и чувствовал себя невероятно комфортно, настолько, что мог бы уснуть.

И он, кажется, действительно уснул. Когда он открыл глаза, вокруг была тьма, чувства исчезли, он даже не мог ощутить свою духовную сущность. Это и было ощущение смерти? Неужели из-за схватки со злым духом он потерял даже свою душу?

— Аааа! — Го Саньфэн не знал, может ли он издавать звуки, но от страха его сознание помутилось.

— Не шуми, ты в зонте, — раздался голос Чжисиня.

Го Саньфэн почувствовал легкое прикосновение.

Он не мог ощущать ни времени, ни пространства. Неизвестно сколько прошло, когда вдруг его душа содрогнулась, и свет ударил в глаза — Чжисинь открыл зонт и выпустил его. Го Саньфэн раньше любил этот зонт, даже не уставая держать его каждый день, но теперь он казался ему обоюдоострым мечом — и помощником, и врагом одновременно. Просто старый зонт...

— Сегодня мы уезжаем отсюда?

Честно говоря, хотя Го Саньфэн и был призраком, это место казалось ему куда более приятным, чем старый дом семьи Ши, хотя бы здесь было на что посмотреть.

Чжисинь, закрыв глаза, не ответил. Го Саньфэн от скуки подошел к окну, чтобы посмотреть на место вчерашней схватки со злым духом. Пруд действительно высох, но, похоже, кто-то добавил в него воды, и лотосы по-прежнему стояли нетронутыми.

— Ой, господин уездный начальник пришел, — Го Саньфэн поспешно вернулся и раскрыл зонт.

Уездный начальник, войдя, поклонился:

— Вчерашней ночью благодарю вас, даос, за проведенный ритуал. Я глубоко признателен и не знаю, как отблагодарить.

Чжисинь встал и ответил на поклон:

— Господин начальник, не стоит благодарностей. Я лишь делал то, что мог.

— В нашем доме произошло такое несчастье, и я боюсь, что странный огонь снова нанесет урон. Мне трудно успокоиться.

Голос уездного начальника стал серьезнее, его взгляд скользнул мимо Чжисиня, устремившись на Го Саньфэна.

— Помните, двадцать лет назад вы и ваш наставник приезжали в наш уезд Цютан и предупреждали меня, что большое дерево софоры за пределами двора нельзя оставлять. Увы, тогда я не последовал вашему совету, и теперь жалею об этом. Может, все же стоит срубить его? Что вы думаете?

Чжисинь, с холодным выражением лица, спокойно ответил:

— Мой наставник уже ушел в мир иной, и в своей жизни он тоже сожалел о некоторых вещах. Небеса имеют свой путь, и решение о том, рубить ли дерево, остается за вами.

— Эй, дело с странным огнем еще не раскрыто, а ваш сын только что избежал большой беды. У него будет счастливая судьба, и Небеса милосердны. Какое отношение к этому имеет дерево?

— вдруг вставил Го Саньфэн.

К тому же, они еще искали душу Ши Ланьтина. Он только вчера предложил начать с дерева, а теперь его собираются срубить. Как они тогда будут искать? И если это произойдет, его секрет о том, что он не настоящий, может быть раскрыт.

Уездный начальник, поглаживая бороду, улыбнулся:

— Благодарю вас, даосы, за ваши советы.

Когда уездный начальник ушел, Го Саньфэн, подперев подбородок, заключил:

— Этот уездный начальник действительно странный. Зачем ему рубить дерево без причины?

— Он испытывает тебя.

— Испытывает? Думает, что странный огонь связан с нами? — Го Саньфэн не мог понять. Уездный начальник казался ему странным, а Чжисинь, похоже, все понимал. Он не мог разгадать их загадки. Может, это был их общий язык?

— Нет, он испытывает тебя. Двадцать лет назад ты уже защищал это дерево, и сегодня это второй раз, — сказал Чжисинь.

Го Саньфэн встал со стула:

— Это дерево точно важная зацепка, давай скорее продолжим поиски.

— Я смотрю на него со всех сторон, и оно действительно не простое... — Го Саньфэн тихо напевал, стараясь не петь слишком громко.

Даос Чжисинь наклеил на дерево талисман и начал читать заклинание.

— Кар-кар! — снова послышалось, и еще одна порция птичьего помета упала сверху.

— Пфф, — Го Саньфэн ненавидел себя за то, что радовался чужой неудаче, но это было слишком забавно. Он поднял палец, показывая «два». — Сегодня это второй раз, даос.

Чжисинь по-прежнему не проявлял эмоций, демонстрируя отличное самообладание. Го Саньфэн с любопытством поднял голову и увидел, что на самой нижней ветке дерева сидит великолепная птица. Будь она человеком, то наверняка была бы из тех, кто любит выделяться.

Чжисинь слегка поклонился птице. Та взмахнула крыльями, спустилась вниз и превратилась в молодого человека. Хорошо, что Го Саньфэн уже был мертв, иначе он бы точно умер от страха при виде этого.

— Давно не виделись, маленький даос. Как поживает старый даос? — улыбнулся молодой человек, и его голос звучал, как пение птицы.

— Мой наставник уже ушел в мир иной.

— О, это печально. Ваша школа теперь под вашим руководством?

— Да, высший бессмертный, — Чжисинь, несмотря на титул, оставался спокоен и невозмутим.

— Хм? Этот молодой господин выглядит знакомо, — молодой человек обошел Чжисиня и с улыбкой, в которой слышалась легкая насмешка, взял прядь волос Го Саньфэна.

— Вы... бессмертный? — растерянно спросил Го Саньфэн.

— Именно так. Я — отшельник Лин, люблю путешествовать по горам, рекам и озерам, где есть красивые пейзажи и красавцы. — Отшельник Лин был красив и обладал величественной осанкой, вызывая у людей чувство тепла и желания приблизиться.

Двадцать лет назад, когда Чжисинь с наставником приехали сюда, чтобы изгнать демона сердца, они уже встречали этого бессмертного. Он называл себя странствующим отшельником, достигшим бессмертия, и любил превращаться в различных птиц и зверей, путешествуя по миру.

<http://bllate.org/book/16812/1545720>